

Чем больше я думал, тем вернее казалась моя догадка. Стоя на коленях, я размышлял, размышлял, а потом осторожно спросил:

— Евнух Хай, осмелюсь спросить... Государь поправился?

— Ах ты, мерзавец! Смеешь ещё спрашивать?! Да как такую рану лечить-то? Как вообще о таком говорить? Государю самому приходится страдать да выздоравливать!

Ну да, быть сбитым с ног башмаком — и впрямь стыдно. Будь я на его месте, тоже постеснялся бы признаться.

Похоже, я почти угадал. Государю просто стыдно, вот он и ищет, на ком сорвать зло.

Раз так, меня, наверное, просто на несколько дней запрут, пока он не остынет.

Осознав это, я, словно подмороженный баклажан, вдруг воспрял духом и, возмнив себя великим понимаемой, принялся утешать отца:

— Отец, не тревожьтесь. Государь имеет полное право гневаться, я его понимаю. Просто... посижу в тюрьме денёк-другой, вспомню о былых трудностях.

Едва я закончил, как евнух Хай взвизгнул:

— Что за болтовня! Увести этого негодяя, живо!

Весенний ветер ласкал зелёные ивы — самое прекрасное время года. Другие юноши либо пировали в объятиях красавиц, либо важничали, катаясь на разукрашенных лодках. Лишь я, несчастный Сяхоу Цянь, из-за одного улетевшего башмака попал в немилость и был брошен в Небесную тюрьму — каяться в грехах.

Эх, и не найдёшь, где правду искать.

Я думал, дело пустяковое, Государь скоро выпустит. Но просидел я в камере целых пять дней, и хоть бы что — кроме того, что еда день ото дня становилась всё хуже, никаких признаков освобождения.

На шестое утро меня навестил Ши Ичжи.

Ши Ичжи был старшим сыном министра церемоний Ши У. Он старше меня всего на два часа, и, если разобраться, между нами есть особая связь.

Наши семьи, Сяхоу и Ши, были старинными друзьями и жили напротив друг друга. Отец Ши Ичжи и мой отец с детства вместе в грязи копались. Двадцать восемь лет назад они поженились в один день, жёны их забеременели почти одновременно, и обе семьи решили: вот это удача! Надо детей обручить.

Обручение состоялось, но, как на грех, обе жены родили мальчишек.

Свадьба расстроилась, но семьи не сдались — твёрдо решили породниться. Выждали, и, к счастью, госпожа Ши через три года родила девочку, нарекли Ши Лань, домашнее имя — Луэр.

Потом, как водится, по воле родителей и через сватов, Ши Лань стала моей генеральшей, а Ши Ичжи — моим шурином.

Хотя я с детства считал Ши Лань родной сестрой и никаких неподобающих мыслей о ней не имел.

Женившись на девушке, что была мне как сестра, я не мог с ней сойтись, а не сойдясь — не мог завести детей. Два года без внуков — и отец мой стал сесть на глазах. Украдкой он подсовывал мне в покой всякие снадобья для укрепления мужской силы.

В конце концов, всякий раз, когда я навещал семейство Ши, Ши Ичжи смотрел на меня с каким-то особым блеском в глазах, а его кривая усмешка ясно говорила: «Зять, с виду человек как человек, а оказывается, не можешь?»

Короче говоря, мы с Ши Ичжи не ладили и при встречах непременно препирались.

Вот и на этот раз Ши Ичжи уселся рядом со мной, помолчал, а потом вдруг спросил:

— Шэньли, как же так вышло? Как говорится, государь — господин, подданный — слуга. Ты всегда был разумным, как же совершил такую глупость — поднял руку на Государя?

Шэньли — моё второе имя.

Ши Ичжи изъяснялся вычурно, вечно сыпал цитатами, от чего голова шла кругом. Да ещё и это противное второе имя менял — потому я с ним говорить не любил. Но на сей раз мне было не до препирательств.

Я вздохнул и уныло ответил:

— Дело-то... тёмное.

Ши Ичжи приподнял бровь:

— О? Чем же тёмное?

Я вздохнул ещё раз, закрыл лицо руками и чистосердечно признался:

— Да... нельзя сказать.

Ши Ичжи выпучил глаза:

— Нельзя сказать? Говори мне немедленно и подробно!

Меня напугал его настойчивый вид. Я съёжился и пробормотал:

— Дело, собственно, вот какое...

Я рассказал Ши Ичжи всё, что было на пиру, опустив лишь ту часть, где Государь говорил, будто князь Ци заставлял его убивать. В конце, поглаживая подбородок, подвёл итог:

— Государь сильно опозорился, а я стал громоотводом.

Ши Ичжи слушал с интересом, его лисьи глазки прищурились:

— То есть ты считаешь, Государь разгневался от стыда?

Я кивнул:

— Иначе и не скажешь. Не может же быть...

Не может же быть, что Государь, вспомнив, как проболтался об убийстве родного дяди, хочет меня прикончить, чтобы замести следы? Он же был пьян в дугу — как мог запомнить?

Ши Ичжи, заметив моё запинание, положил руку мне на плечо:

— Не может быть чего?

Я подумал и ответил:

— Да ничего.

Ши Ичжи замолчал и сидел, вздыхая в такт мне. Вздохну я — вздохнёт он, выходило даже ритмично.

Посидели мы так некоторое время, и Ши Ичжи снова заговорил:

— Если дело только в этом, Государь тебя не тронет. Боюсь я... тут какое-то недоразумение.

Я удивился:

— Какое недоразумение?

Ши Ичжи усмехнулся:

— Этого я не знаю. Но скажу тебе кое-что приятное. Угадай, кто за тебя заступился?

Я моргнул:

— Твой отец и мой отец?

— Они, конечно, тоже. Но тот, о ком я... — Ши Ичжи загадочно покачал головой, придвинулся ближе и прошептал:

— Се Цзин.

— Се Цзин, младший сын министра наказаний Се Яня, твой возлюбленный, коего ты так боготворишь.

Ши Ичжи произнёс это с такой витиеватостью, что у меня аж в груди похолодело.

— Он... он за меня заступился?

— Именно так. Говорят, из-за этого он даже поссорился с Се Янем и уже целый день стоит на коленях у дверей императорского кабинета — видно, решил не сдаваться.

Я остолбенел, представив, как Се Цзин выпрямив спину стоит на коленях на каменном полу. Мне стало и больно, и радостно, на душе потеплело. Я даже подумал: раз Се Цзин за меня хлопчет, можно и подольше в тюрьме посидеть.

Вероятно, моя глупая физиономия стала невыносима для Ши Ичжи. Он шлёпнул меня по затылку и с досадой проговорил:

— Ну и видок! Словно готов умереть без сожалений.

Я ответил:

— Я просто... тронут. Наши семьи столько лет враждовали, а он...

Тут я и сам запнулся.

— Мы с Се Цзином, конечно, знакомы, но не настолько близки. С чего бы это он за меня заступаться стал?

Ши Ичжи цокнул языком:

— Кто его знает. Судя по его упорству, он, может, что-то знает.

— В общем, не терзайся. Завтра я попытаюсь выведать у Се Цзина, что к чему. Может, что-нибудь прояснится. Если это и впрямь недоразумение, мы его разрешим. Подумай сам: ты же только что одержал победу, Государь — человек проницательный и расчётливый, он понимает, что казнь заслуженного генерала посеет недовольство.

— Мы с тобой всё-таки родня. Хоть ты и педераст, да ещё и не можешь, но всё же мой зять. Лучше уж моей сестре быть живой вдовой, чем мёртвой. Понимаешь?

Я:...

Почему самые трогательные слова из уст Ши Ичжи звучат так, что хочется дать ему в зубы?

Пока я втихаря скрипел зубами, тюремщик напомнил, что время вышло. Я смотрел на удаляющуюся спину Ши Ичжи, размышляя над его словами.

Что же это за недоразумение такое?

Авторская ремарка:

Кхм, кхм... Выкладываю новую главу.

Только что сдал экзамен, ещё не отошёл, так что простите, дорогие читатели...

На обед подали одну пампушку и блюдечко маринованной капусты. Принесли вовремя, вот только пампушка стала ещё меньше вчерашней — мне и на зубок не хватит.

Голод — занятная штука. Если голодать постоянно, можно и привыкнуть. Хуже всего, когда попробуешь хоть крошку — вкус проникает в самую глубь, живот и кишки сводит судорогой, и терпеть уже нет сил.

Особенно для такого обжоры, как я.

Человека, способного съесть пять-шесть пампушек за раз, кормить одной пампушкой да миской каши в день... Я начинаю подозревать, что Государь решил известить меня голодом — без крови, без шума.

<http://bllate.org/book/15934/1423793>